

Краснова Софья Владимировна

студентка

Масловская Анна Алексеевна

студентка

Касьяненко Валерия Дмитриевна

студентка

Волошенко Полина Геннадьевна

студентка

Махмутова Каролина Александровна

ассистент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
г. Белгород, Белгородская область

СТРАТЕГИИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: в статье рассматриваются стратегии самореализации региональной молодёжи как совокупность жизненных выборов, через которые молодой человек пытается согласовать профессиональные амбиции, семейные планы, экономическую устойчивость и принадлежность к месту проживания. Показано, что различия между городской и сельской молодёжью не сводятся к «разным ценностям». Особое внимание уделено стратификационному измерению проблемы: низкий уровень дохода, состояние социальной уязвимости и слабая поддержка на этапе перехода от обучения к занятости существенно снижают вероятность успешной самореализации.

Ключевые слова: молодёжь, региональная молодёжь, самореализация, жизненные стратегии, стратификация, молодёжная политика, социальные лифты.

В российском правовом поле молодёжь определяется как социально-демографическая группа граждан в возрасте от 14 до 35 лет включительно, а саморе-

ализация молодёжи – как применение имеющихся способностей, знаний, умений, навыков, компетенций и опыта в целях профессионального, социального и личного развития. В самом определении уже слышна важная мысль: самореализация – не только личное чувство полноты жизни, но и социально организуемый процесс, который зависит от институтов, среды и доступных траекторий [1, с. 2].

Это особенно важно для региональной молодёжи. В абстрактном смысле самореализоваться можно «где угодно», но в реальной биографии территория имеет значение: она задает качество образования, плотность рабочих мест, наличие наставников, объем культурной и проектной инфраструктуры, а иногда – и сам горизонт воображаемого будущего. Поэтому разговор о самореализации в регионе – это всегда разговор о связи между личной мотивацией и устройством социального пространства. Закон о молодежной политике прямо относит к ключевым направлениям поддержку талантливой молодёжи, занятости, предпринимательства, молодых семей, социально уязвимых групп и формирование условий для самореализации через развитие сельских территорий, что делает тему не частной, а институционально центральной [1, с. 6].

Исследование основано на сравнительном вторичном анализе социологических публикаций, посвященных жизненным стратегиям региональной молодежи. Такой подход позволяет работать не с первичным полевым материалом, а с уже опубликованными результатами эмпирических исследований, сопоставляя их по единой аналитической схеме и выявляя различия в постановке проблемы, операционализации понятий и интерпретации данных.

Методологически работа опирается на:

1) концепцию жизненных стратегий молодежи (Ю. А. Зубок, В. И. Чупров), в рамках которой жизненные стратегии рассматриваются как форма социокультурной саморегуляции, соединяющая ценностные ориентации, жизненные притязания и способы их реализации;

2) метод вторичного анализа социологических данных (Г. Хаймен, К. Хаким), позволяющий использовать уже собранные и опубликованные эмпирические материалы для решения новой исследовательской задачи;

3) сравнительный метод анализа ограниченного числа кейсов (А. Лейпхарт), ориентированный на системное сопоставление исследований по единым параметрам.

В качестве единиц анализа были отобраны три публикации, посвященные стратегиям региональной молодежи: самореализационным, карьерным и матримонимальным. Сопоставление проводилось по следующим параметрам: исследовательская проблема, теоретико-методологическая рамка, тип данных, выборка, исследовательский инструмент, аналитические процедуры, ключевые результаты и ограничения исследования. Такой подход позволяет рассмотреть самореализацию региональной молодежи не изолированно, а в связи с карьерными и семейными стратегиями, через которые конструируется жизненная траектория молодого человека.

Работа И. С. Шаповаловой задает наиболее объемную и концептуально собранную рамку. Самореализация в ней понимается как один из индикаторов качества жизни молодого человека и одновременно как элемент формирования человеческого капитала территории. В выборке 2024 года самореализационно-ориентированный тип составил 68,4%, самореализационно-отстраненный – 20,9%, самореализационно-дезориентированный – 7,3%, самореализационно-уничижительный – 3,4%. Уже эта типология важна: она показывает, что основной вопрос состоит не в том, «важна ли» молодым людям самореализация, а в том, имеют ли они ясное направление и внутреннюю уверенность, что их усилия вообще могут к чему-то привести [2, с. 124–125, 128–129].

Особенно показательна зафиксированная автором волновая динамика: доля самореализационно-ориентированного типа составляла 70,2% в 2021 году, 69,0% в 2022 году, 75,3% в 2023 году и 68,4% в 2024 году. Это не траектория прямого роста; скорее, речь идет о пульсации ожиданий и возможностей, чувствительной к смене поколенческих настроений и к изменению социальной среды [2, с. 129–130].

Важно и то, как в этой работе устроено содержание самореализации. Наиболее значимыми жизненными шагами молодежь называет поиск своего призвания

(71,7%), занятие «делом всей жизни» (67,0%) и открытие или развитие собственных способностей и талантов (63,3%). А если смотреть по жизненным сферам, то на первый план выходят семья (60,3%) и профессиональная деятельность (59,2%); творчество (48,9%) и общественная деятельность (45,6%) выражены слабее. В этом – ключ к пониманию региональной молодёжной субъективности: самореализация здесь не противопоставляется семье и не сводится к яркой индивидуальной «самопрезентации». Напротив, она чаще воспринимается как возможность собрать устойчивую биографию, где работа, семейная перспектива и личные способности не разрывают друг друга [2, с. 133–134].

Однако Шаповалова показывает и другое: пространство самореализации резко неоднородно. Поселенческий фактор важен, но решающим оказывается экономический статус. Для молодежи с низким экономическим положением доля самореализационно-уничижительного типа достигает 22,4%, тогда как среди молодых людей с высоким экономическим статусом она не превышает 4%; разница в представленности крайних групп по ориентации на самореализацию между экономическими стратами достигает 24 процентных пунктов. Более того, в социально уязвимых группах – у молодежи с ОВЗ, родителей детей-инвалидов, получателей пособий из-за низкого дохода и некоторых других категорий – стремление к самореализации в целом ниже, а тревога и неуверенность в собственных возможностях выражены сильнее [2, с. 131–135]. Здесь проходит, пожалуй, главный аналитический разлом всей темы. Проблема не в «недостатке мотивации у молодежи», а в том, что мотивация по-разному конвертируется в реальную траекторию в зависимости от дохода, статуса и качества среды.

Не менее важен институциональный слой. По оценке молодежи, наибольшую помощь в выявлении, поддержке и развитии способностей оказывают школьные учителя (50,1%), затем преподаватели вузов и ссузов (35,2%), затем специалисты, работающие уже с конкретными талантами и способностями (25,2%); роль родителей отмечают 23,3% опрошенных, а 5,4% прямо говорят, что никто им не помог и они до сих пор чувствуют себя нереализованными [2, с. 135–136]. Эта связка данных заставляет сделать неприятный, но важный вывод:

школьный этап работает заметнее, чем постшкольный переход. Там, где молодой человек выходит из относительно понятной школьной среды в более сложный мир высшего образования, труда и регионального рынка возможностей, плотность поддержки снижается.

Как исследовательский текст статья Шаповаловой написана в логике мониторингового анализа с типологизацией и стратификацией. Ее сильная сторона – соединение волновой динамики, жизненных планов и социального неравенства. В такой конструкции особенно хорошо видны барьеры самореализации для молодежи с низким доходом и уязвимых групп. Вероятные ограничения задаются дизайном: региональная локальность Белгородской области, опора на самооценки респондентов и закрытые типологии, которые делают картину аналитически четкой, но уменьшают чувствительность к смешанным и переходным вариантам самореализации. Последний тезис – аналитический вывод из дизайна исследования, а не прямое самописание автора.

В статье С. В. Хашаевой объектом исследования становится молодежь российской провинции (N=2500), а карьерные стратегии рассматриваются как одна из ключевых жизненных осей. Исследование показывает, что карьерные рационалисты и карьерные активисты составляют вместе более 70% молодежи: по 37% приходятся на каждую группу. При этом 67,4% респондентов считают обязательным высокий уровень заработной платы, 56,5% – необходимость «сделать карьеру», а 35,4% – работать по специальности [3, с. 47–52]. Эти цифры хорошо дополняют основной корпус по самореализации: профессионально-карьерный компонент не просто присутствует, а занимает одно из центральных мест в нормативной модели «удачной жизни».

Ещё важнее другой результат этой статьи: нереализованные карьерные ожидания усиливают миграционный потенциал молодежи и могут наносить прямой ущерб региональному человеческому капиталу. Наименьшая удовлетворенность из направлений молодежной политики связана с поддержкой работающей молодежи, а максимальная неудовлетворенность – с вопросами трудоустройства и все той же поддержки молодых людей уже после входа в трудовую жизнь [3, с. 56–

57]. Здесь обнаруживается старая и очень живая проблема региональной политики: профориентация и разговор о возможностях есть, а вот сопровождение к первому устойчивому рабочему месту, карьерному росту и сохранению молодого специалиста в регионе – заметно слабее. Иными словами, молодёжь учат мечтать, но гораздо реже помогают удержать и реализовать эту мечту на собственном региональном рынке труда.

Во вторичном плане статья написана как тематическое извлечение одного аналитического блока из более широкой мониторинговой программы. Автор последовательно проходит по нескольким слоям данных: типам карьерных ориентаций, жизненным карьерным целям, удовлетворенности мерами молодежной политики, факторам дискриминации и рискологической карте трудовой сферы. Это делает текст прикладным и управленчески релевантным. Дополнительный контекст задает государственное задание FZWG-2023–0016, в рамках которого статья была подготовлена; следовательно, публикация заведомо ориентирована не только на академическую дискуссию, но и на управленческое использование. Ограничение здесь связано с тем, что типологическая модель и описательный формат анализа повышают наглядность, но сокращают пространство для выявления амбивалентных или гибридных карьерных стратегий.

В статье Ж.О. Благорожевой объектом исследования становятся матримониальные стратегии региональной молодежи. Этот источник дополняет анализ самореализации, поскольку показывает семейно-брачную сферу не как частную область жизни, а как один из базовых контуров жизненного проектирования молодого человека [4, с. 89–91]. Автор рассматривает матримониальные стратегии как комплекс установок, мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями [4, с. 93–94].

Эмпирическая основа статьи – результаты мониторинга социальных стратегий молодежи, проводимого Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского

университета. В анализ включены данные онлайн-опроса молодежи Белгородской области в возрасте от 14 до 35 лет; объем выборки составил 5881 человек, выборка квотная по полу, возрасту, типу поселения и территории проживания [4, с. 95–96]. Это делает статью методически близкой к работам Шаповаловой и Хашаевой, поскольку все три источника опираются на региональную эмпирическую базу и рассматривают разные стороны жизненных стратегий молодежи.

Наиболее значимым результатом Благорожевой является выделение четырех типов матримониальных диспозиций: традиционного, либерального, эгоцентричного и неформального. Традиционный тип, связанный с ориентацией на традиционные семейные ценности и распределение семейных ролей, составляет 54,5%; либеральный тип – 33,6%; эгоцентричный – 8,1%; неформальный – 3,8% [4, с. 96–98]. Такая типология важна для анализа самореализации региональной молодежи, потому что показывает: семья и брак остаются не внешним дополнением к жизненной стратегии, а одним из способов конструирования устойчивой биографии.

Особое значение имеет то, что Благорожева связывает матримониальные стратегии с человеческим капиталом региона и демографическими перспективами. В статье показано, что традиционный тип матримониальных диспозиций чаще связан с социально значимыми жизненными выборами, тогда как эгоцентричный и неформальный типы несут больше рисков с точки зрения воспроизводственного цикла и демографического развития [4, с. 101–108]. В этом смысле работа Благорожевой позволяет расширить анализ самореализации: если у Шаповаловой в центре находится общая ориентация на раскрытие способностей и жизненные планы, у Хашаевой – карьерная траектория, то у Благорожевой – семейно-матримониальный контур, без которого региональная молодежная самореализация оказывается неполной.

Подводя итог, три рассматриваемых источника позволяют представить самореализацию региональной молодежи как пересечение трех взаимосвязанных направлений: личностного, профессионально-карьерного и семейно-матримони-

ального. Молодой человек стремится не просто «реализовать себя» в абстрактном смысле, а выстроить жизненную траекторию, в которой образование, труд, доход, семья, место проживания и представление о будущем соединяются в относительно устойчивую биографическую модель [4, с. 107–109].

Стратегии самореализации региональной молодёжи сегодня нельзя описать старой формулой «остаться или уехать». Между этими полюсами лежит куда более содержательный вопрос: может ли молодой человек в своем регионе связать в одну непротиворечивую биографию образование, работу, заработок, семью, собственный проект и чувство осмысленного будущего. Рассмотренные исследования убеждают: запрос на такую биографию у молодежи есть. Более того, он достаточно стабилен – семейная, профессиональная и экономическая линии не конкурируют, а собираются в единый нормативный центр.

Список литературы

1. О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2020 №489-ФЗ: ред. от 23.07.2025 // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 08.06.2026).

2. Шаповалова И.С. Стратегии самореализации региональной молодежи: диспозиции, жизненные планы и стратификация / И.С. Шаповалова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, №1. – С. 124–142. – DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142. EDN YUKEUN

3. Хашаева С.В. Карьерные стратегии молодежи как отражение амбиций и соревновательных практик в профессиональной деятельности / С.В. Хашаева // Научный результат. Социология и управление. – 2023. – Т. 9, №4. – DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-4-0-4. – URL: <https://rrsociology.ru/journal/article/3279/> (дата обращения: 08.06.2026). EDN PXAEKJ

4. Благорожева Ж.О. Матримониальные стратегии региональной молодежи / Ж.О. Благорожева // Научный результат. Социология и управление. – 2024. – Т. 10, №4. – С. 89–110. – DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-5. – URL:

<https://rrsociology.ru/journal/article/3603/> (дата обращения: 11.06.2026). EDN ZGHXRA

5. Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодёжь): официальный сайт. – URL: <https://fadm.gov.ru/> (дата обращения: 08.06.2026).

6. Национальный проект «Молодежь и дети»: официальный сайт. – URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/molodezh-i-deti/> (дата обращения: 08.06.2026).